

Допив чай, Дин Тянь вежливо откланялся.

Стоило дверям за молодым тюремщиком закрыться, как уездный судья заметно расслабился. Повернувшись к своему советнику, он спросил:

— Ну, что скажешь?

— Малый он, похоже, смирный и честный, должен войти в наше положение, — советник Ду в замешательстве почесал затылок. — Да и если рассудить здраво: что в пустой тюрьме выгадывать?

Камеры-то стоят пустые, ни единой души.

Захочешь набить карман за счет узников — так ведь и обобрать некого...

— Ладно, пускай всё идет своим чередом, — обреченно вздохнул судья Ма. — Всё равно через пару-тройку месяцев я уезжаю.

— А ведь я так и не поздравил вас, господин, с назначением на пост префекта, — на лице советника заиграла довольная улыбка. — Служба в столице префектуры куда почетнее, чем прозябание в нашей глуши.

В свое время уездный судья снискал немало заслуг при обороне города. Тогда Город Ньюцзяо практически лежал в руинах, но Ма Чун стоял насмерть, упорно отказываясь отступать. Он вел ожесточенные уличные бои и держался до последнего, пока наконец не подоспело подкрепление. За тот подвиг его уже наградили, а теперь, когда он столь успешно отстроил город заново, пришел черед нового поощрения — назначения на должность префекта Управы Бэйфэн. Скоро ему предстояло отправиться к новому месту службы.

Весть эта, впрочем, пока оставалась тайной за семью печатями. Кроме самого судьи и его верного советника Ду, о грядущем переводе никто в уезде не ведал.

Наверху пока лишь пустили слух, да и нынешний префект Управы Бэйфэн всё еще крепко сидел на своем месте — никто не знал, куда его переведут. Поэтому оба заговорщика хранили молчание, решив не разглашать тайну раньше срока и действовать по обстоятельствам.

— Радоваться особо нечему. В столице префектуры своих трудностей хватает, — Ма Чун без особого восторга отнесся к повышению. — Вот если бы меня перевели прямиком в Управу Шуньтянь, тогда другое дело.

— Не стоит бередить душу понапрасну, господин, — мягко возразил Ду Кан.

Советник прекрасно понимал досаду патрона. Ма Чун должен был пойти на повышение еще три года назад, после той памятной обороны. Однако столичное начальство бессовестно присвоило себе львиную долю его заслуг. В результате уездному судье достались лишь похвальная грамота да щедрая награда серебром, а возделенный чин уплыл к другим.

Затевая восстановление уезда, он вознамерился утереть нос столичным завистникам. Ему во что бы то ни стало требовалось показать такие результаты службы, которые никто наверху не смог бы замолчать или приписать себе. Чистые, неоспоримые и осязаемые достижения.

Только благодаря этому упрямству уезд Бычьего Рога обзавелся столь мощными, неприступными стенами.

Вот только у этой медали оказалась обратная сторона: снаружи новый Город Ньюцзяо ослеплял величием, а изнутри зиял полной разрухой.

— Да как тут не думать? — вздохнул уездный судья, и его обида уступила место светлой грусти. — В уезде Бычьего Рога я когда-то проливал кровь, отстаивая каждую пядь земли. А этот новый Город Ньюцзяо я воздвиг буквально по кирпичику собственными руками. Если бы я уехал отсюда с легким сердцем, меня нельзя было бы назвать человеком.

— Взгляните на это иначе, господин, — вкрадчиво проговорил советник, и в этом проявился весь его изворотливый ум. — Свой долг мы исполнили сполна. До меня дошли слухи, что вашим преемником назначен зять племянницы действующего префекта. Тот самый прохвост, который в свое время урезал нам казну на строительство! Так что расхлебывать всю эту кашу придется его собственному родственнику. Мы с вами за годы службы не взяли себе ни единого медного гроша, остались кристально чисты. А сможет ли этот новоприбывший удержаться от соблазна?

Ду Кан заговорщицки прищурился и продолжил:

— Война трехлетней давности стерла прежний Город Ньюцзяо с лица земли, похоронив все старые долги и прегрешения. Мы отстроили уезд с чистого листа, обнулили счета. К тому же указом императора здешний люд на три года освободили от податей. Теперь этот срок истекает. Стоит новому судье явиться и объявить о сборе налогов, как вы думаете, что скажут простые люди?

Уездный судья невольно усмехнулся:

— Простой люд не станет вникать в тонкости законов. Пока ты здесь, ты еще можешь им растолковать, что к чему. А этого пришлого выскочку никто знать не знает. Кто станет его слушать?

Это была ловушка, вырытая средь бела дня у всех на виду.

Оставалось лишь гадать, сумеет ли новый уездный судья выпутаться из нее живым и невредимым.

Управа Бэйфэн граничила с бескрайними степями, где кочевали дикие племена. Соседство с воинственными варварами наложило отпечаток на местных жителей: здешний люд отличался суровым и буйным нравом. В бою они стояли стеной и дрались как черти, но вот управлять ими в мирное время было сущей мукой.

В округе то и дело встречались общины, где все жители носили одну фамилию. Связанные кровными узами, эти кланы держались вместе и стояли друг за друга горой. Порой они в грош не ставили власть уездного судьи, и даже самому Ма Чуну частенько приходилось уступать им, дабы не доводить дело до бунта.

Такова была неодолимая сила местных союзов и старейшин.

— И всё же негоже так шутить, — покачал головой Ма Чун. — Если этот глупец дров наломает, мне, как его новому начальнику, тоже несдобровать...

Уездный судья тяжело вздохнул:

— Искренне надеюсь, что он по достоинству оценит порядок, который я здесь навел с таким трудом, и не пустит мои труды прахом.

Ма Чун отдал этому уезду десять лет своей жизни. Защищая его, он не раз заглядывал в глаза смерти, и теперь всей душой желал, чтобы сменщик сохранил этот хрупкий мир, доставшийся столь дорогой ценой.

Советник понимающе кивнул:

— Если у него есть хоть капля ума, он не станет рушить то, что работает. По крайней мере, постарается удержать уезд от падения в бездну.

Обо всех этих закулисных разговорах уходящий Дин Тянь даже не догадывался. Миновав ворота управы, он направился к новой, только что отстроенной ресторации, а точнее — к лотку торговца лапшой, примостившемуся прямо напротив ее нарядного входа. На этом скромном прилавке подавали самую простую постную лапшу. Из изысков покупателю могли предложить разве что плоскую дешевых солений, а для богачей — соленые утиные яйца по пять медных монет за штуку.

Сами по себе утиные яйца стоили сущие гроши — по монете за штуку, — но вот соль ценилась на вес золота. Крестьяне никогда не выливали рассол, оставшийся после засолки: его бережно хранили и использовали вместо обычной соли, добавляя понемногу в похлебку для вкуса.

<http://bllate.org/book/19387/1961044>